

КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ

DOI: 10.31857/S086919080005949-0

ОТРАЖЕНИЕ МОНГОЛЬСКИХ ИМПЕРСКИХ ИДЕЙ
В СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРМЯНСКИХ ИСТОЧНИКАХ

© 2019

Ю. И. ДРОБЫШЕВ

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
Институт проблем экологии и эволюции РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-9318-4560; altanus@mail.ru

*«Может быть, излишне было писать нам все это;
но мы это записали из уважения к памяти
нашего доброго, кроткого и великого Хулаву»
Бардан Великий. «Всеобщая история».*

Резюме: В статье анализируются сведения армянских источников XIII–XIV вв. о монгольской имперской идеологии, преломленные сквозь призму христианского мировоззрения. Помимо исторических произведений автор привлекает колофоны рукописей и некоторые поэтические творения. Армянские авторы передают легенду о даровании всей земли Чингисхану (1162?–1227) самим Господом богом, уточняя, что свод монгольского имперского законодательства – Великая Яса – также имеет небесное происхождение. По-видимому, легенды с вкраплением отголосков некоторых реальных событий из ранней монгольской истории были широко известны разноэтничной элите государства Хулагуидов. Армяне восприняли захватчиков-монголов как «божью кару» за грехи, что представляется вполне репрезентативной оценкой монголов в монотеистических культурах: подобное восприятие служило важным фактором, легитимировавшим их власть. Циркулировавшие слухи о намерении того или иного хана креститься придавали дополнительный вес соображениям о законности монгольского владычества. Проанализированные источники сильно различаются в определении масштабов монгольской агрессии. Часть вполне конкретно описывает направления военных походов монголов и перечисляет завоеванные ими страны и исторические области, часть говорит о покорении кочевниками «всего мира». Пределы «всего мира» в этих сочинениях чаще всего совпадают с пределами армянских культурных контактов и исключают страны, не подчинившиеся монголам, несмотря на хорошую осведомленность авторов о попытках монголов покорить их. Оценки конкретных монгольских правителей определялись в первую очередь их отношением к христианам, при этом положительных отзывов удостоились даже ильханы, исповедовавшие ислам. Армянские авторы избегали критических высказываний в адрес не только Хулагу и его потомков, но и великих ханов, в чем они весьма схожи с позицией грузинских, сирийских и русских современников. Статья показывает, что в целом ряде случаев армянские историки передавали достаточно точные сведения об основополагающих принципах функционирования Монгольской империи, в том числе относительно ее идеологических оснований. По этой причине рассмотренные сведения весьма полезны для реконструкции становления монгольской имперской идеологии в XIII в.

Ключевые слова: монголы, имперская идеология, Армянские источники, понятие «всего мира», Чингисхан.

Для цитирования: Дробышев Ю. И. Отражение монгольских имперских идей в средневековых армянских источниках. *Восток (Oriens)*. 2019. № 4. С. 117–134. DOI: 10.31857/S086919080005949-0

THE REFLECTION OF MONGOLIAN IMPERIAL IDEAS
IN THE MEDIEVAL ARMENIAN SOURCES

© 2019

Yuliy I. DROBYSHEV

Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russia
Institute for problems of Ecology and Evolution of the RAS, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-9318-4560; altanus@mail.ru

Abstract: *The article analyzes the information from Armenian sources of the 13th–14th centuries about the Mongolian imperial ideology refracted through the prism of the Christian worldview. In addition to historical works, the study looks at the colophons of manuscripts and some relevant poetic literary works. Armenian authors retell the legend that the Lord himself gave the whole world to Genghis Khan, and that the code of the Mongolian Imperial legislation – the Great Yasa – also has a heavenly origin. Apparently, these legends, which were interspersed with echoes of some real events from the early Mongolian history, were widely known among the multi-ethnic elite of the Hulaguid State. The Mongol invaders were perceived by the Armenians as “God’s punishment” for sins, which is proves to be quite a representative view at the Mongols in monotheistic cultures; in fact, this was an important factor legitimizing the Mongolian power. Circulating rumors about some Khan’s intention to be baptized gave additional weight to the legitimacy of the Mongol rule. The analyzed sources greatly vary in determining the extent of Mongolian aggression. Some of them give rather specific description of Mongolian military campaigns and list the countries and historic regions they conquered, ahile some speak about the nomads’ conquest of “the whole world”. Actually, the limits of “the whole world” in these works often coincide with the limits of Armenian cultural contacts and exclude countries that did not obey to the Mongols, despite the authors’ full awareness of the Mongols’ attempts to conquer them. Assessments of the Mongolian rulers were determined, first of all, by their attitude to Christians, while even the Ilkhans who professed Islam received positive reviews. Armenian authors clearly tried to avoid critical statements about not only Hulagu and his descendants, but also about the great Khans, and in this they are very close to the positions of their Georgian, Syrian, and Russian contemporaries. The author argues that in a number of cases Armenian historians have provided fairly accurate information about the fundamental principles of the Mongolian Empire, including its ideological foundations. Therefore, their information is very useful for the reconstruction of the formation of Mongolian imperial ideology in the 13th century.*

Keywords: Mongols, Imperial ideology, Armenian sources, the concept of “the whole world”, Genghis Khan.

For citation: Drobyshev Yu. I. Reflection of Mongolian Imperial Ideas in the Medieval Armenian Sources. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 4. Pp. 117–134. DOI: 10.31857/S086919080005949-0

Поиск причин и механизмов возникновения имперской идеологии у монголов в первые десятилетия XIII в. требует привлечения максимально широкого круга источников. Это требование диктуется не только необходимостью охватить материал во всем его многообразии, но и тем, что только сопоставление различных взглядов и мнений, отразивших ее грани в различных культурах, позволяет составить более или менее объективную картину мировоззрения и «мироустроительных» идей монголов периода завоеваний, а также эпохи Монгольской империи. Армянские источники представляют особую ценность ввиду того, что их авторы жили под властью монголов и порой имели возможность непосредственно контактировать с монгольской военной элитой. Их сведения обычно считаются достаточно надежными, поскольку, как отметил еще К. П. Патканов почти полтора века назад, «если чем армянские писатели отличаются выгодно от других, особенно мусульманских и византийских, так это трезвостью взгляда и правдивостью относительно происшествий, современниками которых они были сами» [*История монголов*, 1874, с. V]. Однако, как будет показано ниже, их суждения порой бывали не вполне беспристрастными.

Первое знакомство армян с монголами состоялось в 1220–1221 гг., когда отряды знаменитых чингисовых полководцев Чжэбэ и Субэдэя, получивших приказ преследовать разбитого хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада II (правил 1200–1220), вторглись на земли Грузинского царства, в вассальной зависимости от которого находились в ту пору значительные территории с армянским населением. Монголы не имели цели захватывать Закавказье, но вступали в схватку с любым противником, решившимся оказать им сопротивление. Войско под командованием грузинского царя Георгия IV Лаша (правил 1213–1223) и атабека Иванэ I Закаряна (Мхаргрдзели, ?–1227), вставшее на пути кочевников, было разбито в долине Хунан. Второе столкновение, к которому грузины и армяне успели подготовиться более основательно, не состоялось. Согласно приказу Чингисхана, монголы должны были пересечь Кавказские горы и возвращаться на родину через степи, поэтому они уклонились от новой битвы и ушли¹.

Конечно, эта первая трагическая встреча с неизвестным воинственным народом оставила след в армянской историографии, но в русле нашей темы она не открыла ничего принципиально нового: появление очередного сильного врага и его относительно быстрый уход вряд ли могли удивить современников. Действительно, битва с монголами была, в общем-то, заурядным сражением средневековья, и уже совсем скоро память о ней рассеялась ввиду нашествия сначала спасавшихся от монголов кыпчаков в 1222 г., а тремя годами позже – воинства Джалал ад-Дина Манкбурны – последнего из династии хорезмшахов-ануштегинидов. Пока Джалал ад-Дин истощал силы в борьбе буквально со всеми своими соседями, 30-тысячное монгольское войско в 1231 г. выступило против него под командованием нойона Чормагана (ок. 1180–1242/1243), и в том же году он погиб. Из рассказов об этих событиях мы не можем извлечь ничего, что указывало бы на планы монгольских завоевателей и дало бы намек на замыслы самого Чингисхана или сменившего его на великоханском престоле Угэдэя (правил 1229–1241), кроме уже известного: враг должен быть уничтожен. В данном случае врагом монголов был Хорезм. С гибелью Джалал ад-Дина этот вопрос был закрыт.

Второе появление монголов в Закавказье в 1236 г. принципиально отличалось от первого. Возглавлял кочевников тот же Чормаган, но теперь его целью было подчинение монгольской власти владений, остававшихся к тому времени независимыми. Не в последнюю очередь это относилось и к Грузинскому царству. Натиск был жестоким и кровавым, вполне в соответствии с монгольской тактикой, апробированной в Северном Китае и Хорезме. В течение года под копыта монгольских коней легло все Закавказье, подделенное между монгольскими нойонами. Слабое и неорганизованное сопротивление скоро сошло на нет. Прежним хозяевам этих земель пришлось подчиниться, чтобы сохранить себе жизнь. В результате монгольское владычество утвердилось здесь надолго, вплоть до 1357 г., и армянские летописцы получили столь же богатый, сколь и печальный материал для своих исторических сочинений, в котором нашлось место и для переложения идей Чингисхана, увязанных с ранней монгольской историей. Порой эти сведения легендарны, но иногда армянские авторы доносят чрезвычайно точную информацию, подтверждаемую другими источниками.

АРМЯНСКИЕ ИСТОРИКИ О ЖИЗНИ И ДЕЯНИЯХ ЧИНГИСХАНА

Согласно Киракосу Гандзакеци (1200–1271), не совсем верно передающему легенду о происхождении предка Чингисхана Бодончара от луча света, попавшего через дымник

¹ Прославленная современниками монгольская военная дисциплина не осталась без внимания и армянских историков: «... [татары] во всем подчинялись приказу своего царя» [Киракос Гандзакети, 1976, с. 167]. Из «Истории» Давида Багишеци: «Они гордились своим ханом» [*Армянские источники...*, 1962, с. 103].

юрты в чрево Алан-гоа, судьба Чингисхана как властелина мира была решена еще до его зачатия: «Но обычно они рассказывают вот что: государь их – родственник бога, взявшего себе в удел небо и отдавшего землю *хагану*². Говорили, якобы Чингисхан, отец *хакана*, родился не от семени мужчины, а просто из невидимости появился свет и, проникнув через отверстие в кровле дома, сказал матери [Чингиса]: “Ты зачнешь и родишь сына, владыку земли”. Говорят, так он и родился. Эту [легенду] рассказал нам *ишхан* Григор, сын Марзпана, брат Асланбега, Саргиса и Амира из рода Мамиконянов, который сам слышал ее как-то от одного знатного человека, по имени Хутун-ноин, из [татарской] высшей знати, когда тот поучал молодежь» [Кириакос Гандзакеци, 1976, с. 173].

История возвышения Чингисхана излагается в нескольких армянских сочинениях с некоторыми вариациями. По меньшей мере, в двух случаях авторы утверждают, что слышали эти истории непосредственно от монголов. Григор Акнерци (ок. 1250 – ок. 1335) передает версию, возникшую, вероятно, в среде принявших христианство кочевников: «От самих Татар мы слышали, что они из туркестанской родины своей перешли в какую-то восточную страну, где они жили долгое время в степях, предаваясь разбою, но были очень бедны. У них не было никакого богослужения, а были какие-то *войлочные идолы*, которых они и до сих пор переносят с собою для разных волшебств и гаданий³. В то же время они удивлялись солнцу, как какой-то божественной силе. Когда они изнурены были этой жалкой и бедственной жизнью, их осенила внезапно здравая мысль: они призвали себе на помощь Бога, Творца неба и земли и дали ему великий обет – пребывать вечно в исполнении Его повелений. Тогда, по повелению Бога, явился им ангел в виде орла златокрылого, и, говоря на их языке, призвал к себе их начальника, которого звали *Чангыз*. Этот последний пошел и остановился перед ангелом в виде орла, на расстоянии брошенной стрелы. Тогда орел сообщил им на их языке все повеления Божии. Вот, эти божественные законы, которые он им предписал и которые они на своем языке называют *ясак*: во-первых, любить друг друга; во-вторых, не прелюбодействовать; не красть; не лжесвидетельствовать; не быть предателями; почитать старых и нищих; и если найдется между ними кто-либо нарушающий эти заповеди, таковых предавать смерти. Дав эти наставления, ангел назвал начальника *кааном*, который с тех пор стал прозываться *Чангыз-Каан*. И повелел ему ангел господствовать над многими областями и странами и множиться до безмерного числа⁴. Так это и случилось... Когда этот безобразный и зверонравный народ узнал о том, что Господь повелел ему властвовать на земле, то собрав войско он пошел на Персов и взял у них один город. Но Персы, собрав силы, взяли этот город назад и отняли у них еще их собственный. Тогда Татары, сделав воззвание ко всем местам, где жили их племена, бросились на Персов, победили их, и овладели городом и всем их имуществом» [История монголов инока Магакки, 1871, с. 3–5].

На самом деле Тэмучжин был провозглашен ханом (а не кааном, т.е. ханом ханов, как в цитируемом источнике) весной 1206 г., и лишь с этой поры стал именоваться Чингисханом. Законы, известные как Великая Яса, конечно, не были ему спущены с неба; напротив, их авторство приписывается самому Чингисхану, и провозгласил он их, как

² Так обычно называли Угэдэя. Он первым из монгольских самодержцев принял титул *хаган*, означающий буквально «хан ханов».

³ Речь идет об *онгонах*, представлявших собой материальные воплощения духов предков.

⁴ Согласно анонимному грузинскому «Хронографу» (XIV в.), входящему в «Картлис цховреба», Чингисхану на некоей горе Чинетской явился сам Иисус Христос, наставил его в вере и истине и пообещал, что в случае соблюдения данных ему заповедей он получит в свое владение все земли и племена [Цулая, 1973, с. 116; Анонимный грузинский «Хронограф», 2005, с. 21]. Обратим внимание на мотив горы в этом сообщении. Скорее всего он проник в хронику из легенды о благодарственной молитве Чингисхана (в то время еще называвшегося своим детским именем Тэмучжин) горе Бурхан-Халдун в Хэнтэе, которая помогла ему скрыться от врагов [Козин, 1941, § 103]. Вероятный намек на это событие может содержаться также в рассказе Гетума Патмича (см. ниже).

передает монгольская традиция, на том же самом курултае, где был поставлен правителем всех кочевников Монголии. Для нас представляет особый интерес повеление ангела Чингисхану «господствовать над многими областями и странами». Следовательно, монгольский владыка, получив свой почетный титул, тут же обрел и Божью санкцию на управление всем миром, т.е. мысль эта не зародилась у него в результате победоносных военных кампаний, а якобы была внушена изначально. С этого момента он стал орудием Бога, призванным покарать грешное человечество, о чем Григор Акнерци и пишет в своем труде: «И свершилось то, чем грозил Господь устами пророка: “Навуходоносор чаша в руках моих; напою из нее кого захочу”. Таким образом этот безобразный и звероподобный народ не только из чаши, но и осадком ея горечи напоил нас за множество разнообразных грехов наших, которыми мы постоянно возбуждали гнев Творца нашего. И Он воздвиг их на нас, чтоб наказать нас за то, что мы не соблюдали предписаний Его» [*История монголов унока Магакии*, 1871, с. 6]. Любопытно отметить, что автор хулит монголов, несмотря на небесную миссию их предводителя.

В памятной записи из рукописи 1248 г., обнаруженной в монастыре Аменапркич в армянском пригороде Исфахана Нор-Джуге, излагается похожая история. Неизвестный автор утверждает, что сам услышал ее от «татар». Имя Чингисхана в ней не звучит, нет также и ангела, но подчеркивается, что обретение монголами власти произошло по Божьему велению, хотя, парадоксальным образом, приказ о покорении стран они получили от бесов: «Спустя некоторое время кое-кто из них, чувствуя свое тяжелое положение, обратился к богу, и он пошел им навстречу, сделал все, чтобы помочь [им]. Они [сперва] напали на один небольшой город, прогнали хозяев, захватили его и разместились там, со временем собрав вокруг себя своих единоверцев, укрепились, выступили на Персию и захватили там власть. У магов они научились искусству колдовства и получили повеление от своих бесов выступать и смело покорять все страны, так как все они даны им богом в наследство... Они также признали, что все делается по воле божьей, они сами рассказывали, что их появление произошло по велению самого бога. Их единоверцы собрались по их команде, выбрали себе вождя, которого называли ханом. Их разделили на три части: одна часть двинулась в сторону Индии, вторая – в Северные пустыни, а на долю третьей части досталась Персия, через которую они прошли к нам. Говорят, их военачальников было трое. Один из них был благочестивее, чем двое других, его звали Чагрман⁵. Он сказал: “Хватит разорения и истребления, после этого не следует истреблять всех наших покоренных, ибо этим мы можем разгневать бога”. А те военачальники возразили, говоря ему: “Мы не должны оставлять в живых кого-либо, ибо бог идет нам навстречу”, [после этого] они легли спать. Этой же ночью те двое, которые хотели проявить свою жестокость, умерли. Воины были поражены и об этом сообщили хану. Хан велел действовать согласно совету Чагрмана: пощадить покорных и наложить на них подать, главнокомандующим назначили Чагрмана, ибо он единственный выразил божью волю, которая остается до сих пор» [*Армянские источники...*, 1962, с. 46].

Другую историю, тоже несущую явные следы христианского влияния, поведал Гетум Патмич (сер. 1240-х – 1310-е), известный в Европе как Гайтон, в сочинении «Цветник историй стран Востока». Оно было написано на старофранцузском языке в 1307 г. и затем переведено на латынь и другие европейские языки, но может по праву рассматриваться как произведение армянской историографии. Гетум знает легенду о том, что Чингисхан был кузнецом (что не может считаться установленным фактом)⁶. Здесь великий

⁵ Имеется в виду тот самый Чормаган, который в 1231–1241 гг. возглавлял монгольские воинские контингенты в Северном Иране и Закавказье. В целом, армянские авторы характеризуют его положительно, как друга христиан, о чем сообщает и цитируемый источник.

⁶ Согласно Рашид ад-Дину, Тэмучжин происходил из рода кузнецов, чьи легендарные предки расплавили гору [Рашид ад-Дин, 1952, с. 154–155]. Действительно, его имя буквально значит «кузнец, железных дел

завоеватель сначала получает от имени самого Бога пророчество, что ему предстоит возглавить все «татарские» племена, чтобы общими усилиями освободиться от рабской зависимости: «Случилось так, что один бедный кузнец, носивший имя Чингис, увидел во сне сидящего на белом коне воина в белых латах, который окликнул его по имени и сказал: “Чингис, волею Бессмертного Бога предстоит тебе стать князем и правителем всех семи татарских племен, которых еще иногда называют ‘монголы’, и под твоим предводительством они освободятся от рабства, длившегося так долго, и сами станут властителями над всеми твоими соседями”. Чингис проснулся в великом смятении, вняв этим словам Господа, и поведал всем о том сне, который он видел. Знатные и благородные люди не поверили ему и стали насмехаться над кузнецом. Однако едва лишь ночь опустилась на землю, предводителям семи племен явилась во сне белая лошадь, и каждый из них узрел видение, “как две капли воды” совпадавшее с тем, о чем поведал Чингис. И было приказано им от имени Бога Бессмертного подчиниться власти Чингиса, а также весь народ привести ему в подчинение. После этого семь вышеупомянутых предводителей собрали народ татар и постановили, чтобы все поклонились Чингису и подчинились ему как своему истинному господину. То же вслед за всеми проделали и они сами» [*Книга странствий*, 2006, с. 247].

Далее Гетум описывает обряд интронизации, включающий поднятие хана на куске черного войлока⁷, передает три указа, провозглашенные Чингисханом якобы для того, чтобы проверить лояльность своих подданных, и рассказывает историю его чудесного спасения от врагов в недрах некоего куста⁸. Гетум утверждает, что к этому времени Чингисхан уже «завоевал различные земли и страны и подчинил их все своей власти» [*Книга странствий*, 2006, с. 251]. Можно только догадываться, какие страны имел в виду автор. Судя по дальнейшему изложению, они должны были находиться где-то далеко на Востоке, так как второе явление Божественного всадника направило монгольского вождя на завоевание земель на Западе: «И стал Чингисхан править всеми землями, расположенными в округе гор Бельгиан⁹, и жил в мире до тех пор, пока однажды ночью не явилось ему новое видение. А увидел он белого всадника, произнесшего: “Чингисхан, волею Бога Бессмертного выйди из гор Бельгиан, отправься на запад, и покори царства и земли различных народов, и подчини их своей власти. И дабы ты понял, что реченное мною тебе ныне истинно исходит от Бога Бессмертного, приказываю: вставай, отправляйся вместе со своим народом к тому месту горы Бельгиан, где находится горное море, и там спешите все – и ты, и твой народ – и отвесьте девять поклонов на восток, и воззовите к

мастер». Однако эти сведения расходятся с источником, который в данном случае представляется более надежным – с «Сокровенным сказанием монголов», где имянарекание связывается с возвращением его отца Есугая из удачного похода на татар, в котором Есугай захватил татарского вождя по имени Тэмучжин-Уге [Козин, 1941, § 59]. Очевидно, по представлениям средневековых номадов, передача его имени должна была обеспечить новорожденного силой поверженного героя. Каких-либо сведений о кузнечном мастерстве Есугая или его сына Тэмучжина не имеется.

⁷ Обряд поднятия выбранного кагана на куске войлока был известен уже у древних тюрков, однако, войлок имел белый цвет, поскольку именно он почитается как сакральный в культуре центральноазиатских кочевников. Почему Гетум пишет о черном войлоке, неясно.

⁸ Это напоминает известный сюжет о бегстве юного Тэмучжина от меркитов на заросшую густым лесом гору Бурхан-Халдун.

⁹ Сложно сказать, что имел в виду автор под горами Бельгиан. Родные кочевья Чингисхана находились в районе гор Хэнтэя, где высится и вышеупомянутый Бурхан-Халдун. Издатель оригинального текста «Цветника историй» внес немалую путаницу, предположив, очевидно, на основании некоторых созвучий, что за этим названием скрывается «гора Балжуна или Дилюн-Болдак, именуемый также Кентай» [Наyton, 1906, р. 147]. По видимому, следует согласиться с объяснением флорентийского историка и государственного деятеля Джованни Виллани (ок. 1274–1348), что под таким названием в Европе были известны мифические горы «Гог и Магог» [Виллани, 1997, с. 124].

Богу Бессмертному, с тем чтобы он помог вам открыть дорогу¹⁰, и он тотчас придет к вам на помощь, и таким образом ты вместе со своим народом сможешь проложить себе путь”» [*Книга странствий*, 2006, с. 253]. Таким образом, и здесь Чингисхан действует не по своему почину, а выступает исполнителем Божьей воли, однако уже не как «бич Божий». Смысл такой трансформации образа Чингисхана прозрачен: как известно, Гетум ратовал за союз христиан с монголами против мусульман, и поход Чингисхана на Запад, разумеется, должен был означать не вторжение монгольских полчищ в Европу, а окончательный разгром исламского мира. Если в эпоху Чингисхана главным мусульманским врагом монголов был Хорезм, то при жизни Гетума им стал мамлюкский Египет. Очевидно, армянский автор привлекает легенды о Чингисхане для активизации борьбы с Египтом¹¹.

ПРОБЛЕМА ПОНЯТИЯ «ВЕСЬ МИР» В АРМЯНСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Итак, средневековые армянские историки были убеждены в том, что монголы намеревались покорить всю землю. По их мнению, эту цель поставил перед своими людьми сам Чингисхан. К подобному выводу склоняются и некоторые армянские историки уже в XX в. Так, известный исследователь А. Г. Галстян пишет: «Таким образом, монголы всячески старались укрепить свою власть всюду, где это оказывалось возможным. Всякие переговоры они рассматривали как средство добиться своей основной цели, то есть “покорить весь мир”. Так говорят все их современники» [Смбат Спарапет, 1974, с. XXIV]. В другой своей работе он высказывает эту же мысль: «Их единственной целью было покорить себе всех» [Галстян, 1977, с. 179]. Между тем анализ сведений о высказываниях и деяниях Чингисхана, которые дошли до наших дней в различных источниках, позволяет предполагать, что он не планировал захват всего мира, поэтому вышеизложенные истории не следует считать фантастическим преломлением истинных планов Чингисхана, ставших известными армянской интеллектуальной элите. Скорее всего здесь мы сталкиваемся с образцами переосмысления и идеализации образа основателя Монгольской империи, хотя вряд ли корректным будет говорить о намеренной дезинформации покоренных покорителями: мифологизация Чингисхана фактически началась уже при его жизни, и в выдающуюся миссию своего вождя наверняка верили как рядовые воины, так и высшие полководцы.

Решение о подчинении всей земли власти монгольского суверена было принято на курултае 1235 г. в столичном Каракоруме уже при хагане Угэдэе. Именно во исполнение этого решения в 1236 г. в Закавказье появился вышеупомянутый Чормаган. Армянская историография в лице Киракоса Гандзакеци совершенно правильно проследила цепочку событий, приведшую к потере народами Закавказья независимости: «В стране, [находящейся] на дальнем северо-востоке, которую они на варварском языке своем называют Каракорум, на границе Гатия, среди множества неведомых и неисчислимых варварских племен, проживающих там, жило племя, называемое татарами, во главе царей которых стоял [человек] по имени Чингисхан. Пришло время ему умирать. Но еще до кончины он созвал к себе все войско и трех сыновей своих и сказал, [обращаясь] к войску: “Вот я умираю. Одного из сыновей моих, присутствующих здесь, по своему желанию выберите себе царем вместо меня”. И они ответили: “Кого ты сейчас соблаговолишь выбрать, тот и будет нашим царем, тому и будем мы верою служить”. Тогда сказал им [Чингисхан]:

¹⁰ Возможно, здесь Гетум пересказывает монгольскую легенду о выходе предков монголов из закрытой со всех сторон непроходимыми горами долины Эргунэ-Кун, где они обитали, после того как были почти уничтожены врагами [Рашид ад-Дин, 1952, с. 153–154].

¹¹ Разбор рассказа Гетума об основателе монгольского государства см. в: [Карагезян, 2007].

“Я расскажу о нраве и делах всех трех сыновей своих. Старший сын мой – Чагатай – муж воинственный, любит войско, но по природе горд и достоин большего, чем доля, выпавшая ему. А второй мой сын тоже победоносен в бою, но скуп по натуре. Младший же сын мой одарен еще с детства, богато наделен милостями, щедр на руку. С того дня, как он родился, слава и величие мое росли день ото дня. Ну вот, я сказал вам всю правду, поклоняйтесь же тому из них троих, кому пожелаете”¹². И [татары] подошли и поклонились младшему, чье имя было Окта-хахан; отец возложил на него корону и умер. А он, как только получил царскую власть, собрал большое войско, неисчислимое по величине, подобно песку морскому, из своего собственного племени, которое называлось мугал-татарами, из хазар, из гуннов, из гатийцев, из анкитанов и множества других варварских племен, [явившихся] с имуществом своим и станом, женами, детьми и кибитками. Он разделил их на три части: одну послал на юг, назначив главным распорядителем одного из своих верных и любимых [людей]; другую – на запад, а вместе с ними и сына своего, [этих он послал также] и на север; третью он послал на северо-восток, назначив над ними одного из вельмож своих, по имени Чормагун, мужа мыслящего и мудрого, удачливого в военном деле, поручив им разорять и разрушать все страны и царства по всей вселенной и не возвращаться к нему, пока не захватят весь мир и не подчинят его своей власти¹³. А сам он остался в той стране, не заботясь ни о чем, предавшись еде и питью, удовольствиям и строительству» [Гандзакеци, 1976, с. 152–153]. Гораздо короче, но по той же схеме, эти события излагает поздний армянский историк Давид Багишеци (?–1673) [*Армянские источники...*, 1962, с. 103].

Григор Акнерци приписывает Чингисхану слова, якобы сказанные в адрес Чормагана: «Бог повелевает завоевать землю, поставить *ясак*, хранить ее в благоустройстве и брать с нее *тгу* и *мал*, *тагар* и *гунчур*. Тех же, которые не подчиняются нам, не платят нам дани, следует убивать, жилища их разорять для устрашения тех, которые задумают нам сопротивляться» [*История монголов инок Магакши*, 1871, с. 12]. Казалось бы, нестыковка датировок (Чингисхан умер в 1227 г.) снимает вопрос о подлинности этого приказа, а то, что речь идет именно о 1230-х гг., ясно из контекста. Т. Мэй указывает, что под Чингисханом здесь следует понимать Угэдэя [May, 1996, p. 46–47]. Однако Чингисхан действительно мог сказать Чормагану нечто подобное задолго до его назначения на этот пост, поскольку последний служил в Чингисовой гвардии в должности носителя колчана (*хорчи*) и, сверх того, имел привилегию говорить с Чингисханом напрямую [Козин, 1941, §260]. Таким образом, мы воздержимся от окончательного решения вопроса, кому принадлежало рассматриваемое повеление (если оно существовало в действительности), хотя его стиль, а особенно слова о сохранении земли в благоустройстве, выдают скорее авторство жизнелюбивого Угэдэя.

Средневековые армянские историки верно оценивают роль Угэдэя в инициировании масштабных завоевательных походов 1230–1240-х гг. Помимо приведенного выше сообщения Киракоса Гандзакеци есть четкое указание Гетума: «Хан Угедей решил завоевать

¹² Этот рассказ о выборе наследника очень близок версии «Сокровенного сказания», но автор запутался в сыновьях. Чингисхан имел четырех сыновей от своей любимой жены Бортэ; в порядке старшинства: Джочи, Чагатай, Угэдэя, Толуя. Первого из них Киракос игнорирует, характер Чагатай у него описан более или менее точно, очень краткая характеристика не названного в тексте сына в целом соответствует известному о достоинствах Толуя. Угэдэй, хотя и не был младшим, славился непомерной щедростью, что нашло отражение и в данном источнике.

¹³ Если принять за центр саму Монголию, то покорять юг – в данном случае чжурчжэньскую империю Цзинь (1125–1234) – был отправлен Толуй, на запад отправился Бату и с ним – сын Угэдэя Гуюк, насмерть рассорившийся в этом походе с Бату, а позже, в 1246 г., ставший великим ханом; Чормаган же должен был пойти не на северо-восток, а на юго-запад, но он в это время, по-видимому, находился не в Монголии. Сам Угэдэй действительно остался в родных степях, где посвятил себя всем тем увеселениям, которые исключительно точно перечислил Киракос Гандзакеци.

всю землю Азии...» [*Книга странствий*, 2006, с. 256]. Дальше он рассказывает о походе Субэдэя, потом ошибочно называет Джучи сыном Угэдэя, затем к его сыновьям причисляет также Бату и Чагатая. Из повествования Гетума получается, что все завоевания вне Монголии происходили уже без участия Чингисхана. Не может ли это путаное изложение послужить намеком на то, что автор получил где-то более-менее объективную информацию о завоеваниях, запланированных при дворе Угэдэя, а вовсе не Чингисхана?

Говоря о масштабах монгольских завоеваний, армянские авторы систематически оперируют понятием «всей земли»¹⁴, якобы подпавшей под власть номадов, хотя хорошо осведомлены о реальном положении дел и передают верные сведения о перемещениях монгольских воинских контингентов по Закавказью и соседним территориям. Конечно, им известно о многих странах, на которые не простиралась власть монгольских ханов. Монголы не подчинили себе Византию, Кипр, Египет и владения мамлюков на Ближнем Востоке, государства крестоносцев в Сирии и Палестине, не говоря уже о других более отдаленных монархиях. Конийский (Румский) султанат даже после поражения Кей-Хосрова II (правил 1236/1237–1246) при Кёсе-даге в 1243 г. частично сохранил свою независимость, а Киликийское армянское государство, чтобы избежать разгрома, добровольно подчинилось монголам еще несколькими годами позже. На севере Ирана исмаилиты вплоть до 1256 г. продолжали вести самостоятельную политику, несмотря на формальное признание верховенства монгольских хаганов (исмаилитская крепость Гирдких продержалась до 1271 г.!).

В числе мировых гегемонов армянские авторы чаще всего упоминают хагана Мункэ (правил 1251–1259). Киракос Гандзакеци называет его «властелином вселенной» [Гандзакеци, 1976, с. 226] и «величайшим из царей земли, властелином вселенной» [Гандзакеци, 1976, с. 228]. Согласно «Летописи» епископа Степаноса, «В году 701 (1252) Мангу-хан, царствовавший над своим народом, стал властвовать над всем миром» [*Армянские источники...*, 1962, с. 35]. Из «Хроники» Мхитара Айриванеци: «Над вселенной стал господствовать Мангу-хан» [*Армянские источники...*, 1962, с. 90]. Что касается годов правления Угэдэя, то аналогичную оценку дает только поздний автор – Хачатур Джугаеци (XVIII в.) в труде «История Персии», составленном на основе армянских и персидских источников [Тер-Мкртчян, 1985, с. 75].

«Всемирным правлением» на страницах армянских книг оказались наделены не только великие ханы, управлявшие империей из Каракорума, но и улусные ханы: «Он (Батый) очень усилился, возвеличился над всеми и покорил всю вселенную, обложил данью все страны» [Гандзакеци, 1976, с. 218]. Можно извинить Киракоса Гандзакеци за это приписывание Бату «вселенской» власти, поскольку тот действительно пользовался в Монгольской империи огромным влиянием и был вторым лицом после хагана, а кроме того это сообщение предшествует рассказу о восшествии на общемонгольский трон Мункэ, который возглавил империю при деятельной поддержке Бату.

Первые 20 лет после монгольского завоевания земли Южного Кавказа находились под прямым управлением Каракорума, но после провозглашения Ильханата (1256 г.) они вошли в его состав и вскоре оказались вовлечены в конфликт между Ильханатом и Улусом Джучи. Теперь роль «вселенских монархов» для армян стали играть потомки внука Чингисхана Хулагу, правившего в Иране, Ираке и Закавказье с 1258 по 1265 г. Степанос епископ пишет в 1290 г.: «О многочисленных событиях, которые происходили в этом году, мне хотелось бы вкратце рассказать вам: завоевание Аргуном власти и властвование над всем миром...» [*Армянские источники...*, 1962, с. 41]. Аргун – внук Хулагу, четвертый правитель государства Хулагуидов (1284–1291). В отличие от первых великих ханов

¹⁴ Выяснение объема этого понятия в представлениях разных народов XIII в., в том числе самих монголов, позволяет более корректно оценивать монгольские экспансионистские планы.

Монголии он признавал за другими странами право на самостоятельное существование, чего не допускала прежняя имперская идеология монголов, и налаживал отношения с европейскими державами в целях совместной борьбы с мамлюками. Понятно, что ни о каком его «владыковании над всем миром» нельзя говорить даже в теории.

Весьма показательна позиция армянских авторов, запечатленная в памятных записях XIV в., сделанных в Крыму, который входил в состав Улуса Джучи (две записи оставлены по случаю переписывания Библии и одна – Евангелия, 1346, 1350 и 1346 гг. соответственно): «... всемирное правление хана Тжанипэка» [*Становление и расцвет Золотой Орды*, 2011, с. 82]. Хан Джанибек правил в 1342–1357 гг., при нем земли Золотой Орды достигли максимальной протяженности, а в Крыму он в 1243 г. развязал враждебные действия против итальянских колоний, которые были вынуждены пойти ему на уступки. Возможно, именно это обстоятельство побудило армянских переписчиков так возвеличить заслуги Джанибека.

Иногда речь идет просто о «татарах». Киракос Гандзакети замечает, что некое место было написано, когда автору исполнился 41 год, «в период владычества татар над всем миром» [Гандзакети, 1976, с. 175], что соответствовало 1241 г. Сетуня на «горестные и злые времена», Григор Сисеци в 1244 г. записал, что «вот уже 25 лет, как они поднялись и грабят вселенную, и никто из правителей не смог устоять против них, так как это была божья кара за наши грехи» [*Армянские источники...*, 1962, с. 70]. Этим авторам вторит запись за 1255 г. в «Летописи» Себастиана: «Они захватили все страны до самого моря и властвовали над всеми этими странами» [*Армянские источники...*, 1962, с. 27]. Отголоски этих представлений слышны в армянской историографии позднего средневековья, например, в «Книге историй» Аракела Даврижеци [Аракел Даврижеци, 1973, с. 479].

Весьма показательны списки покоренных монголами стран и городов, которые приводит Степанос Орбелян (1250–1305) в «Истории области Сисакана». Он пишет, что монголы разделились на три армии: первая под командованием Бату отправилась на северо-восток¹⁵, вторая под началом Огота-хана (Угэдэя) пошла подчинять Индию; о походах этих армий автор сообщает довольно схематично и дает краткие перечни захваченных земель и народов, к которым мы вернемся чуть позже. Гораздо больше интересной информации предоставляет его рассказ о деяниях третьей армии монголов, поскольку именно с ней пришлось столкнуться армянам. Степанос Орбелян подробно и достаточно точно перечисляет ее военные трофеи, среди которых мы видим Хорасан, Хузистан, Лурисан, Курдистан, Ирак, Азербайджан, Арран, Армению, Грузию, часть Рума, Киликию, Сирию. Вот эти самые земли историк уподобил «всей вселенной»: «Войска этого отряда, подобно бурному вихрю, вторглись в страну нашу, в короткое время подчинили себе всю вселенную, пограбили и опустошили все царства... (курсив наш. – Ю. Д.)» [*История монголов...*, 1873, с. 32]. Позже появился Хулагу и «покорил все, что ими еще не было завоевано» [*История монголов...*, 1873, с. 33]. Следовательно, первые две армии захватывали нечто, лежащее за пределами этой «вселенной». Что же? Судя по всему, земли к северу от Кавказа вплоть до Европы, Среднюю Азию и большую часть Индии [*История монголов...*, 1873, с. 32].

Сведения такого рода говорят, надо полагать, о «региональном мышлении» армянских авторов XIII–XIV вв., для которых «весь мир» ограничивался сферой армянских культурных контактов. Хорошо видно, что Египет в это понятие не входит, притом что армяне не просто имели о нем ясное представление, но и вели с ним борьбу. Такое мировидение было присуще отнюдь не только средневековым армянам; оно обнаруживается у самых разных народов той эпохи, включая и самих кочевников. Вот почему нам пред-

¹⁵ Северо-восток относительно Армении, а не Монголии.

ставляется важным выявить объем этого понятия в разных культурах, донесших до нас свидетельства о монгольских завоеваниях.

Большое разнообразие представлений армян о масштабах монгольской экспансии дают колофоны рукописей, исчисляющиеся тысячами. В настоящей статье мы не можем учесть их все, да в этом и нет надобности. Один из самых ранних, где упоминаются монголы, датирован 1230 г., видимо, по ошибке, так как в это время монгольские отряды еще не вторгались на населенные армянами земли: «За грехи наши чужеземный и варварский народ, Татары, появился и разорил всю вселенную острием своих мечей, покуда не осталось не тронутого места» [Pogossian, 2012, p. 179]. В 1236 г. копиист Евангелия, бывший свидетелем монгольского нашествия, оставил запись о том, что «Господне наказание обрушилось на Восточную страну» [Pogossian, 2012, p. 179]. Другое свидетельство, дошедшее до нас из того же 1236 г., хотя и исполнено апокалиптическим языком, довольно ясно перечисляет земли, подвергшиеся нападению: «И позвольте поведать [вам] о горечи и мучениях наших времен, о божественной ярости, [которая] обрушилась на страны армян, грузин и мусульман...» [Pogossian, 2012, p. 180]. Писец Трдат в 1262 г. выразил мысль, что «Народ стрелков» «разгромил восточные страны вплоть до Египетского моря и юга и принес бедствия всем народам» [Pogossian, 2012, p. 181]. Некоторые переписчики использовали шаблонную фразу о господстве «Народа стрелков» над территориями от солнечного восхода – с Каспийского моря, через север, до Черного моря, а через юг, охватывая земли Вавилона, Северной Сирии, Киликии, опять же до Черного моря [Sanjian, 1969, p. 53–54, 59, 66].

Колофон Евангелия из Нахичевани сохранил слова сожаления по поводу кончины Газан-хана (правил в 1295–1304 гг.), в годы правления которого «на земле был мир, как в раю Господнем» [Sanjian, 1969, p. 48]. Однако не все современники разделяли подобные взгляды на эпоху Газана. В колофоне, датированном 1298 г., можно услышать апокалиптически безнадежный голос неизвестного переписчика: «Времена были злые, и мир управлялся Народом стрелков и многими другими буйными [народами], такими как персы, турки и [раса] Измаила» [Pogossian, 2012, p. 191]. Впрочем, гораздо более интересно то, что автор «позволяет» другим народам разделять с монголами власть, и его мнение сравнительно верно отражает расстановку сил в регионе.

Так же объективен и Гетум Патмич, описывающий миссию киликийского царя Гетума I (1226–1270) ко двору Мункэ: «Так как татары завоевали почти все государства и страны от турецкого (румского). – *примечание А. Галстяна*» государства, царь Гетум, государь Армении, в лето господя нашего 1253 посоветовался с мудрыми людьми и решил лично отправиться к императору татар, чтобы легче добиться его дружбы и заключить с ним мир» [*Армянские источники...*, 1962, с. 67]. Достаточно точен в оценке географии монгольских завоеваний (но не в их датировке и инициаторе) и неизвестный историк XIV в., «Хроника» которого считается продолжением «Истории» Самуэля Анеци, жившего в XII в.: «В году 684 (1235) по приказанию Чингисхана под водительством Чармаган-нуина появились татары, они разрушили множество стран – Армению, Грузию, Агванию...» [*Армянские источники...*, 1962, с. 78].

Источники донесли до нас и противоположный пример, когда армянский хронист низводит золотоордынского хана Тохтамыша (1380–1395) до статуса «крымского хана» в рассказе о его успешном походе до Тебриза, Нахичевани и Сюника в 1385 г. (в летописи указан 1386 г.) [*Армянские источники...*, 1962, с. 88]. С чем это связано, сказать сложно: можно предположить, что в такой форме отразилось соперничество Улуса Джучи и Улуса Хулагу, но, скорее всего, причина заключается в чем-то другом.

Армянская историография также проливает некоторый свет на вопрос относительно целей монгольских захватчиков. Если они действительно хотели подчинить себе весь мир, то зачем?

В письме, посланном Смбагом Спарпетом (1208–1276) в 1247 г. из Самарканда кипрскому королю Генриху II де Лузиньяну (1218–1253), есть приписка об ответе хагана Гуюка (правил 1246–1248) папе римскому Иннокентию IV (пontiфикат 1243–1254): «Да будет вам известно, что его святейшество посылал послов к великому хану, чтобы узнать, христианин ли он или нет и почему он послал армию для уничтожения и разрушения мира. Но хан ему ответил, что бог заповедал его предкам и ему посылать своих людей, чтобы истребить все развратные и злые народы (курсив наш. – Ю. Д.), а на вопрос: христианин он или нет – он ответил, что бог это знает, и если папа хочет это знать, то пусть придет сам увидеть и узнать» [Армянские источники..., 1962, с. 66].

Трудно судить, считали ли монголы времен империи развратными и злыми окружающие их народы. На основании многочисленных средневековых свидетельств, преимущественно европейских авторов, можно думать, что монголы смотрели на всех свысока и относились ко всем с презрением. Для примера приведем мнение доминиканца Винсента из Бове (1190–1264): «Всех людей, мир населяющих, они, за исключением себя самих, считают за скотину...» [Книга странствий, 2006, с. 91]. Неизвестно, видели ли простые монголы себя самих как избавителей человечества от недостойных народов, но при хаганском дворе такая идея вполне могла циркулировать. Позже, в XVII–XIX вв., она заняла прочное положение в монгольской историографии, согласно которой Чингисхан был рожден по воле персонифицированного Неба – хана Хормусты или самого Будды с целью освободить страдающие народы от гнета «двенадцати злых ханов» [Дробышев, 2018, с. 63–64]. В действительности же разделение всех народов на «достойных» и «недостойных» определялось их лояльностью к монгольской власти и не зависело ни от языка, ни от образа жизни и даже ни от расы.

ТЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ МОНГОЛЬСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

Исходным пунктом монгольской средневековой имперской идеологии служило понятие о Вечном Небе (в христианских источниках о монголах оно называется Богом, в мусульманских – Аллахом), по воле которого монгольский хаган обязан покорить всю землю¹⁶. Покоряет он ее не ради личного обогащения или славы, а для того чтобы благая небесная сила могла беспрепятственно на нее изливаться через него самого как через мировую ось – *Axis mundi*, и тем самым упорядочивать все вокруг – и природу, и человечество. Поэтому мысль о ликвидации «негодных» народов непротиворечиво сочетается с «мироустроительной» идеологией [Дробышев, 2014, с. 451–459].

По словам Григора Акнерци, свое успешное прибытие на мусульманский Восток и захват Багдада Хулагу приписал силе Бога и хагана Мункэ: «Великий князь и знаменитейший из них, Гулаву, брат Мангу-хана, о котором говорилось выше, отправил к брату своему, на крайний восток, гонцов с следующим донесением: «мы, предводители семи туманов, достигли этих мест силою Бога и Вашей удалили отсюда старую конницу – *темачи*¹⁷; пошли и взяли таджикский (sic! – Ю. Д.) город Багдад и воротились с большей добычей, силою Бога и Вашей. Что вы теперь прикажете нам? Если мы долго будем так жить без законов и без начальника, страна вся разорится и нарушатся предписания Чан-

¹⁶ В «Великой хронике» Матвея Парижского (ок. 1200 – после 1259) упоминается посольство исмаилитов в Западную Европу в 1238 г., предложившее английскому и французскому королям заключить союз против монголов. «Их предводитель утверждает, что он послан всевышним Богом для подчинения непокорных Богу народов», – сообщили послы [Хаутала, 2015, с. 188]. Если датировка верна, этим предводителем должен быть Чормаган. Впрочем, сам факт этого посольства дискуссионен, поскольку другие источники о нем не сообщают.

¹⁷ Речь идет о замене войск нойона Байджу (ок. 1200–1259), который управлял Закавказьем после отставки заболевшего Чормагана, войсками Хулагу. Байджу был послан в Рум, а ильхан расположился в облюбованной кочевниками Муганской равнине на территории нынешнего Азербайджана.

гыз-хана, который приказал: завоеванные и добровольно подчинившиеся нам страны хранить в строении, а не разорять. Впрочем, все зависит от вас, как прикажете, так мы и будем делать» [*История монголов инока Магакии*, 1871, с. 30–31]. Под Богом здесь, разумеется, следует понимать Небо, а сама формулировка является стандартной преамбулой ярлыков (указов) монгольских правителей «Силой Вечного Неба и счастьем хагана!» Следовательно, Григор Акнерци весьма точен в передаче монгольских канцелярских оборотов и имеет представление о монгольской «мироустроительной» идеологии.

В армянских источниках есть и другие подтверждения бытования этой идеологии в высшем монгольском обществе. Правитель армянской области Сюник князь Эликум I Орбелян (ок. 1184–?) укрылся в неприступной крепости Рашкаберд. Арслан-нойон осадил ее и предложил сдаться, мотивируя свою настойчивость тем, что «мы не уйдем из этой страны, которую Бог дал нам во владение». Эликуму пришлось принять ультиматум, он вышел с богатыми дарами и в итоге был принят Арслан-нойоном на службу [*История монголов...*, 1873, с. 34].

Вардан Великий (ок. 1198–1271), удостоившийся в 1264 г. приема Хулагу, стал свидетелем следующей красноречивой сцены: «Тогда Хулаву Эль-хан, окинув одним взглядом пришедших из всех стран, сказал: “Я вызвал только тебя; что бы это могло значить, что не прежде и не после (тебя), а в один и тот же день все они стеклись со всех сторон видеть и благословить меня?” На этот вопрос сам же поспешил ответить: “Это, вероятно, доказательство тому, что сердце Бога лежит ко мне”» [*Всеобщая история Вардана Великого*, 1861, с. 192–193]. Надо сказать, в рассказе Вардана Хулагу все-таки проявил определенную скромность. Если верить другим армянским историкам, среди монгольской знати, принадлежавшей к прямым потомкам Чингисхана по мужской линии, находились гораздо менее воздержанные персонажи, например, Хули (Гули, Кули)¹⁸, о котором Григор Акнерци упомянул в числе пришедших с Хулагу предводителей крупных войсковых подразделений: «После того в 706 г. арм. летосчисления, пришли с востока, где имел свое местопребывание великий Хан, семь ханских сыновей, каждый с *туманом* всадников, а туман значит 10 000. Вот имена их: первый и старший из них *Гулаву*, брат Мангу-хана; второй, *Хули*, который не стыдился называть себя *братом Бога* (курсив наш. – Ю. Д.); третий, *Балаха*; четвертый, *Тутар*; пятый, *Такудар*; шестой, *Гатахан*; седьмой, *Борахан*. Не было между ними согласия; но все были одинаково бесстрашны и кровожадны» [*История монголов инока Магакии*, 1871, с. 25–26]. Киракос Гандзакечи про них всех выразился, что «это были внуки Чингисхана, и их называли сыновьями бога» [Киракос Гандзакечи, 1976, с. 227].

Произведения армянской историографии рождены в лоне христианской культуры и опираются на многовековую традицию летописания. Поэтому и здесь проявилась свойственная монотеистическим культурам мысль о том, что монгольское нашествие – кара Господня за грехи¹⁹, следовательно, надо подчиняться захватчикам и стойко переносить лишения. Эта идея вскоре эволюционировала в умах армянских интеллектуалов до признания богоизбранности монгольской власти, чему очень способствовали благорасполо-

¹⁸ Кули – темник, сын Орду, внук Джучи, правнук Чингисхана, был отправлен в Иран под знаменами Хулагу для войны с исмаилитами и халифатом. В 1260 г. он умер при невыясненных обстоятельствах наряду с некоторыми другими джучидскими принцами, что внесло существенный вклад в охлаждение отношений между двумя ветвями Чингисова рода и поспособствовало развязыванию войны между Хулагу и Берке в 1262 г. Неясно, что могло дать Кули основания для столь высокой самооценки. О нем см.: [Рашид ад-Дин, 1960, с. 66, 69–70, 81–82].

¹⁹ В оценке монгольских завоевателей армянские авторы использовали профетическую концепцию святого Нерсеса, первого католикоса Великой Армении, жившего в IV в. и предрекшего нашествие некоего «Народа стрелков» в наказание за грехи и беззакония. Монголы были быстро отождествлены с этим «Народом стрелков».

жение к христианству того или иного монгольского наместника или ильхана²⁰, а также слухи о намерении великого хана креститься. Симбиоз имперской идеологии монголов и христианского мировоззрения армян привел к слиянию кочевых и местных элит на высшем ментальном уровне, а не только в плоскости вынужденного военно-экономического союза, где первые диктовали свою волю, а вторые были обязаны ее безропотно исполнять. Поэтому неудивительно, что в своем «Назидательном послании» (1251) армянский католикос Константин Бардзбердци (1180-е – 1267) учил, что «сердце царей в руках господних и он сам отдал весь мир под власть хана, и еще даст ему...», и призывал творить за хана молитву: «Так вы свою первую молитву посвящайте ему и его войску, ибо нашим божеским законом заповедано, что мы должны свою первую молитву посвящать здоровью того, кого бог поставил над нами царем, и попросим у бога успеха хану, ибо он поставлен сегодня царем над нами...» [*Армянские источники...*, 1962, с. 45]. Немалое число надписей, сделанных на стенах армянских храмов, призывало «молиться за долгую жизнь падишаха и Сахиб Дивана» [Григорян, 1990, с. 96], под которыми подразумевались ильхан и его великий везир.

Степанос епископ называет «богоизбранным» внука Хулагу ильхана Аргуна. После убийства дяди – ильхана Текудера (правил 1282–1284), обратившегося в ислам и принявшего имя Ахмад, «уверовавший в бога и богоизбранный Аргун, подобно царю, вошел в свою страну и остановился в Алатаге, где он установил свой царский трон и воссел на нем как хан и царь всей страны. Успокоился мир, возрадовались христиане, стали процветать церкви во славу Христа и нашего спасителя, слава ему вовеки» [*Армянские источники...*, 1962, с. 40]. Согласно Степаносу Орбеляну, успех Аргуна был обеспечен Божественным промыслом: «Но Бог христианский обратил к Аргуну сердца вельмож, которые, в ту же ночь освободив его от оков, провозгласили царем и предали мечу всех врагов его, и умертвили таким образом Ахмата и приверженцев его...» [*История монголов...*, 1873, с. 50].

При Аргуне выдвинулся нойон Бука из племени джалаириров, сначала много сделавший для завоевания Аргуном власти, но впоследствии ставший на путь измены в пользу другого потомка Хулагу – Джушкаба. Тот, однако, раскрыл его замысел Аргуну, Бука потерпел поражение и в 1289 г. был казнен [Рашид ад-Дин, 1946, с. 119–121]. Это событие отразилось не только в армянских летописях, но и в поэзии. Знаменитый армянский поэт, известный под псевдонимом Фрик (ок. 1234–1315), в поэме «Об Аргун-хане и Буге» передал аксиому, которую монголы обозначали как покровительство Вечного Синего Неба легитимному хану, в понятиях христианской культуры:

Буга, как посмел ты изменить
Царю – божьему помазаннику,
Которого все христиане одинаково

²⁰ Любовь закавказских летописцев к ильханам, благоволящим христианству, была порой столь велика, что, например, неизвестный грузинский историк вложил в уста Абаги (правил 1265–1282) фразу: «Господь поставил меня владыкой всего мира, и чего я сам не дам (человеку), того не отберу от него». При этом автор не только не осуждает такую гордыню, но еще и присовокупляет немало хвалебных слов в адрес Абаги [*Анонимный грузинский «Хронограф»*, 2005, с. 97]. В то же время он крайне неприязненно описывает болезнь христолюбивого Аргуна (1284–1291) и утверждает, что тот из-за тяжелого недуга «разложился с ног до головы» и так надоел своим нойонам, что они удружили его [*Анонимный грузинский «Хронограф»*, 2005, с. 134–135]. Можно быть практически уверенными в том, что нескрываемая ненависть анонима к Аргуну проистекает из-за казни последним грузинского царя Деметре II Самопожертвователя (1270–1289), который практиковал полигамию и имел несчастье быть женатым на Сонгур – дочери нойона Буки, составившего против ильхана заговор [Bayar-saikhhan Dashdondog, 2011, p. 180]. Деметре был обвинен в соучастии в этом заговоре. Неизвестный грузинский историк мог состоять в родстве с Деметре II или иметь какие-то другие личные основания сожалеть о его гибели либо просто проявлять таким способом свой патриотизм.

Просили у Бога.
Хана Аргуна на трон посадил
Бог сам.
Кто же в силах одолеть хана Аргуна?
(цит. по: [Бабаян, 1969, с. 164]).

Более того, поэт утверждает, что Буга сам взалкал ханского трона (в чем он расходится с версией Рашид ад-Дина, как сказано выше), но его притязание незаконно, ибо он не принадлежит роду Чингисхана [Фрик, 1941, с. 209–215]. Осведомленность Фрика в вопросах престолонаследия у монголов заслуживает высокой оценки.

АРМЯНСКИЕ АВТОРЫ О ВЕЛИКОЙ ЯСЕ

Армяне были довольно хорошо знакомы с основными положениями Ясы и сходились во мнении, что монголы строго их придерживаются. В передаче Вардана Великого Яса напоминает христианские заповеди, за исключением религиозной свободы: «Ибо постановления, сделанные Чангез-Ханом и называемые у них *асахом*, а именно: не лгать; не красть; не иметь сообщения с чужою женою; любить друг друга, как самого себя; не поносить и не знать никакой брани; щадить добровольно покорившиеся земли, города, так называемые дома Бога, Его служителей, какие-б они ни были, оставлять их свободными от налогов и почитать их: все это соблюдал сам Хулаву и предписывал другим» [*Всеобщая история Вардана Великого*, 1861, с. 197–198]²¹. Выше приводилась цитата из сочинения Григора Акнерци, где также перечислены некоторые положения Ясы, якобы данные Чингисхану через ангела [*История монголов инока Магакиш*, 1871, с. 4], хотя больше походящие на смесь ветхозаветных и новозаветных заповедей. Приписывание авторства монгольских законов самому Богу, очевидно, укрепляло легитимность монгольских правителей в глазах армян. Необходимо подчеркнуть, что Яса вряд ли была всего лишь кодификацией обычного права монголов. Скорее, она представляла собой имперское законодательство. Ничего подобного прежние кочевые империи, по-видимому, не знали.

Подводя итоги исследования, отметим, что средневековые армянские авторы подтверждают известную из других источников идею монголов об их небесном праве на владычество над всеми народами, которое впервые получил Чингисхан и унаследовали его потомки. Однако представление о пределах этого владычества сильно варьируется: от «всей земли» до конкретных, вполне реальных стран и регионов, причем под «всей землей» понимается сфера армянских интересов. Армяне передают (более или менее точно) монгольские легенды о «богоизбранности» Чингисхана, признают легитимность остальных великих ханов, а в период Ильханата порой не жалеют слов в восхвалении

²¹ Впрочем, в армянской историографии можно найти пример, как будто демонстрирующий нарушение Хулагу требований Ясы. Из сочинения сирийского церковного деятеля и ученого Абу-ль-Фараджа (1226–1286) известно, что Яса запрещала монголам угрожать неприятелью величиной и непобедимостью своего войска, и в случае неповиновения говорить лишь, что Небо знает, что случится потом [Вернадский, 1939, р. 53]. Именно так и заканчивались ультиматумы Хулагу, согласно данным Рашид ад-Дина [Рашид ад-Дин, 1946, с. 35, 36, 56]. Однако в труде Смбата Спарапета в ответ на дерзкие послания последнего аббасидского халифа ал-Мустасима (правил 1242–1258) Хулагу якобы громко произнес: «С помощью бога и по повелению Чингиз-хана всех вас предаю мечу за то, что хвастаетесь своим посланием» [*Армянские источники...*, 1962, с. 51; Смбат Спарапет, 1974, с. 132]. Эта фраза основателя Ильханата, если она действительно принадлежит ему, интересна еще и ссылкой на повеление Чингисхана, к тому времени уже более 30 лет как упокоившегося в тщательно скрываемой могиле. Несмотря на кажущуюся фантастичность (Хулагу говорит о Чингисхане в настоящем времени, как если бы он был жив и лично отдал повеление), его слова находят параллель в письме хагана Гуюка папе римскому Иннокентию IV [*Путешествия в Восточные страны*, 1997, с. 393], и в этом пункте Смбат Спарапет мог оказаться прав, поскольку именно такова была монгольская имперская традиция.

тех монгольских правителей, которые покровительствовали христианам. Заметную роль в их отношении к монголам играла политическая география: историографическая традиция менее пострадавшей от набегов кочевников Киликийской Армении породила более позитивную оценку монголов, чем армянские историки Южного Кавказа, неоднократно подвергавшегося разорению и грабежу. В подавляющем большинстве произведений армянской историографии причиной нашествия «Народа стрелков» объявляется гнев Господень «за наши грехи», а в некоторых звучат эсхатологические мотивы. Авторы достаточно хорошо осведомлены о своде монгольских законов – Великой Ясе, и излагают основные ее положения с явной симпатией. В целом Армянские источники дают обильную и подчас довольно непредвзятую информацию, позволяющую существенно пополнить наши знания о монгольской имперской идеологии XIII–XIV вв., и данной статьей их потенциал далеко не исчерпывается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века. Вып. I. Текст. Пер. Г. В. Цулая. М.: [Б.и.], 2005 [Anonymous Georgian "Chronograph" of the 14th Century. Vol. I. Text. Translated into Russian by G.V. Tsulaya. Moscow, 2005 (in Russian)].
- Аракел Даврижеци. Книга историй. Пер. Л. А. Ханларян. М.: Наука, 1973 [Arakel Davrizhetsi. Book of Stories. Translated into Russian by L. A. Khanlaryan. Moscow: Nauka, 1973 (in Russian)].
- Армянские источники о монголах. Пер. А. Г. Галстяна. М.: Восточная литература, 1962 [Armenian Sources on the Mongols. Translated into Russian by A. G. Galstyan. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1962 (in Russian)].
- Бабаян Л. О. Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII–XIV веках. М.: Наука, 1969 [Babayan L. O. Socio-Economic and Political History of Armenia in 13th–14th Centuries. Moscow: Nauka, 1969 (in Russian)].
- Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингис Хана. Bruxelles: Les edition Petropolis, 1939 [Vernadsky G. V. On the Composition of the Great Yasa of Genghis Khan. Bruxelles: Les édition Petro-polis, 1939 (in Russian)].
- Виллани Дж. Новая хроника, или История Флоренции. Пер. М. А. Юсим. М.: Наука, 1997 [Vil-lani J. New Chronicle, or History of Florence. Translated into Russian by M. A. Yusim. Moscow: Nauka, 1997 (in Russian)].
- Всеобщая история Вардана Великого. Пер. Н. О. Эмина. М.: Типография Лазаревского инсти-тута восточных языков, 1861 [The Universal History of Vardan the Great. Translated into Russian by N. O. Emin. Moscow: Tipografiia Lazarevskogo Instituta Vostochnykh Iazykov, 1861 (in Russian)].
- Галстян А. Завоевание Армении монгольскими войсками. Татаро-монголы в Азии и Европе. Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 1977. С. 166–185 [The Conquest of Armenia by Mongolian Troops. The Tatar-Mongols in Asia and Europe. S. L. Tikhvinskiy (ed.). Moscow: Nauka, 1977. Pp. 166–185 (in Russian)].
- Григорян Г. М. Очерки истории Сюника IX–XV вв. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1990 [Grigo-ryan G. M. Essays on the History of Syunik of the 9th–15th Centuries. Yerevan: Izdatel'stvo Akademii Nauk Armyanskoy SSR, 1990 (in Russian)].
- Дробышев Ю. И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н.э. – XVI в. н.э.). М.: ИВ РАН, 2014 [Drobyshev Yu. I. Man and Nature in Nomadic Societies of Inner Asia (3d c. BC – 16th c. AD). Moscow: Institut of Oriental Studies of the RAS, 2014 (in Russian)].
- Дробышев Ю. И. Идеи Чингисхана о власти согласно поздней монгольской историографии. Вестник Института востоковедения РАН. 2018. № 5. С. 61–70 [Drobyshev Yu. I. Ideas of Genghis Khan on the Authority According to the Later Mongolian Historiography. Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN. 2018. No. 5. Pp. 61–70 (in Russian)].
- История монголов инока Магакии, XIII века. Пер. К. П. Патканова. СПб.: Типография Импера-торской академии наук, 1871 [History of the Mongols by the Monk Magakiya, 13th Century. Translated into Russian by K. P. Patkanov. Saint-Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1871 (in Russian)].

История монголов по армянским источникам. Вып. I. Пер. К. П. Патканова. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1873 [The History of the Mongols According to Armenian Sources. Issue I. Translated into Russian by K. P. Patkanov. Saint-Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1873 (in Russian)].

История монголов по армянским источникам. Вып. II. Пер. К. П. Патканова. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1874 [The History of the Mongols According to Armenian Sources. Issue II. Translated into Russian by K. P. Patkanov. Saint-Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1874 (in Russian)].

Карагезян Г. Эпический цикл о Чингиз-хане в труде Хетума Патмича. *Историко-филологический журнал*. Ереван, 2007. № 3. С. 129–142 [Karagezyan G. Epic Cycle about Chinggis Khan in Hetum Patmich's Work. *Istoriko-Filologicheskii Zhurnal*. Yerevan, 2007. No. 3. Pp. 129–142 (in Russian)].

Киракос Гандзакети. *История Армении*. Пер. Л. А. Ханларян. М.: Наука, 1976 [Kirakos Gandzaketsi. *History of Armenia*. Translated into Russian by L. A. Khanlaryan. Moscow: Nauka, 1976 (in Russian)].

Книга странствий. Пер. Н. Горелова. СПб.: Азбука-классика, 2006 [The Book of Wanderings. Translated into Russian by N. Gorelov. Saint-Petersburg: Azbuka-Klassika, 2006 (in Russian)].

Козин С. А. *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941 [Kozin S. A. *Secret History. Mongolian Chronicle of 1240*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1941 (in Russian)].

Путешествия в Восточные страны. Вступит. статья, коммент. М. Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997 [Travels to Eastern Countries. Preface and comments by M. B. Gornung. Moscow: Mysl', 1997 (in Russian)].

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. I. Кн. 1. Пер. Л. А. Хетагурова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952 [Rashid ad-Din. *Collection of Chronicles*. Vol. I. Book 1. Translated into Russian by L. A. Khetagurov. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1952 (in Russian)].

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. II. Пер. Ю. П. Верховского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960 [Rashid ad-Din. *Collection of Chronicles*. Vol. II. Translated into Russian by Yu. P. Verkhovskiy. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1960 (in Russian)].

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. III. Пер. А. К. Арендса. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946 [Rashid ad-Din. *Collection of Chronicles*. Vol. III. Translated into Russian by A. K. Arends. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1946 (in Russian)].

Смбат Спарпет. *Летопись*. Пер. А. Г. Галстяна. Ереван: «Айастан», 1974 [Smbat Sparapet. *Chronicle*. Translated into Russian by A. G. Galstyan. Yerevan: "Hayastan", 1974 (in Russian)].

Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Составители М. С. Гатин, Л. Ф. Абзалов. Казань: Татарское кн. изд-во, 2011 [Formation and Heyday of the Golden Horde. Sources of the History of the Ulus of Jochi (1266–1359). Comp. by M. S. Gatin, L. F. Abzalov. Kazan: Tatarskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 2011 (in Russian)].

Тер-Мкртчян Л. Х. *Армянские источники о Средней Азии (VIII–XVIII вв.)*. М.: Наука, 1985 [Ter-Mkrtchyan L. Kh. *Armenian Sources on Central Asia (8th–18th Centuries)*. Moscow: Nauka, 1985 (in Russian)].

Фрик. *Стихи*. Под ред. М. Мкрян, Е. Торосян. Ереван: Изд-во АрмФАН, 1941 (на арм. яз.) [Frik. *Verses*. M. Mkryan, E. Torosyan (Eds). Yerevan: Izdatel'stvo Armyanskogo Filiala Akademii Nauk SSSR, 1941 (in Armenian)].

Хаутала Р. *От «Давида, царя Индии» до «ненавистного плебса сатаны»*. Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2015 [Hautala R. From "David, King of India" to "Hated Plebs of Satan". *Anthology of Early Latin Information about the Tatar-Mongols*. Kazan: Institut Istorii Akademii Nauk Respubliki Tatarstan, 2015 (in Russian)].

Цулая Г. В. Грузинская книжная легенда о Чингисхане. *Советская этнография*. 1973. № 5. С. 114–122 [Tsulaya G. V. Georgian Book Legend of Genghis Khan. *Sovetskaya Etnografiia*. 1973. No. 5. Pp. 114–122 (in Russian)].

Bayarsaikhan Dashdondog. *The Mongols and the Armenians (1220–1335)*. Leiden; Boston: Brill, 2011.

Hayton. La Flor des Estoires des parties d'Orient. *Recueil des historiens des croisades. Documents arméniens*. Т. 2. Ed. Ch. Kohler et al. Paris: Imprimerie nationale, 1906. Pp. 113–254.

May T. *Chormaqan Noyan: The First Mongol Military Governor in the Middle East*. Master of Arts Theses in the Department of Central Eurasian Studies, Indiana University. 1996.

Pogossian Z. Armenians, Mongols, and the End of Times: An Overview of 13th Century Sources. *Caucasus during the Mongol Period – Der Kaukasus in der Mongolenzeit*. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2012. Pp. 169–198.

Pogossian Z. An “Un-known and Unbridled People”: Vardan Arewelc‘i’s Colophon on the Mongols. *Journal of the Society for Armenian Studies*. 2014. Vol. 23. Pp. 7–48.

Sanjian A. K. *Colophons of Armenian Manuscripts (1301–1480)*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1969.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДРОБЫШЕВ Юлий Иванович – кандидат исторических наук, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН и Института проблем экологии и эволюции РАН, Москва, Россия.

Yuliy I. DROBYSHEV – PhD (History), PhD (Biology), Senior Research Fellow of the Institute of Oriental Studies and the Institute for problems of Ecology and Evolution, Moscow, Russia.